4. метафоризація зоонімів запускає процес семантичної дивергенції, що обумовлює різноманітність англомовної картини світу в різноманітті її національних варіантів. Таким чином зооніми, що вживаються в актах вторинної номінації, є національно специфічними.

5. в більшості своїй зооніми використовуються для вербалізації концепту ЛЮДИНА, її характеристик і діяльності, що ще раз підтверджує антропоцентричний характер мови.

6. зооніми в австралійському сленгу являють особливий інтерес, оскільки включають найменування ендемічних видів тварин, що служить додатковою асоціативною базою для вербалізації нових концептів емотивного характеру або уточнення старих.

7. в австралійському англійському зооніми - не завжди засіб передачі емоційної оцінки.

Література

Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / Под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. – М.: Рус. яз., 1998. – 216 с. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. - 349 с. *Кудрявцева Л. А.* Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. – 2-е изд., испр. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – Москва: Гнозис, 2005. – 352 с. *Маковский М. М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология): Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 135 с. *Масленченко Н. А.* Этнокультурные особенности языкового выражения эмоций: перспективы исследования. // Всеукраїнський науковий форум: Сучасна англістика: Стереотипність і творчість: Тези доповідей / За ред. В. О. Самохіної (Дмитренко). – Харків: Торсінг Плюс, 2006. – С. 105-107. *Мележик К. А.* Сферы, в которых наблюдаются различия между значениями американских и британских единиц сленга. // Культура народов Причерноморья /Ред. кол. Катунин Ю. А. и др. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005 г., № 76. – С.73 – 76. *Олейник С. В.* Концептуальные основания семантики оценочных фразеологических единиц. // Всеукраїнський науковий форум: Сучасна англістика: Стереотипність і творчість: Тези доповідей / За ред. В. О. Самохіної (Дмитренко). – Харків: Торсінг Плюс, 2006. – С. 129-131. *The Dictionary of Contemporary Slang*. Tony Thorne. Pantheon Books. New York. 1990. – 583 p. *The Little Book of Great Aussie Slang*. Edited by Sonya Plowman. The Five Mile Press. Printed in China. 2003. – 96 p. http://www.koalanet.com.au/australian-slang.html, http://thesydneytimes.com.au/?aid=374

СВИРИДОВА Н.Н.
(*Горловский гос. пед. ин-т иностранных языков*)

РУССКАЯ ФАМИЛИЯ – КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В РАБОТЕ Б.-О. УБЕНГАУНА «РУССКИЕ ФАМИЛИИ»

Имена собственные (далее – ИС) в целом (и антропонимы в частности) почти безоговорочно относятся к так называемой фоновой лексике. Как известно, для успешной межкультурной и межъязыковой коммуникации мало усвоить языковые закономерности, но необходимо овладеть фоновыми знаниями иноязычной культуры, иметь представление о национально-культурном особенностях народа-носителя языка.

В связи с тем, что антропонимы (в нашем случае фамилии) являются важнейшим языковым источником информации о духовной культуре, т.е. обладают большим

культурно-историческим потенциалом, они представляют собой огромный интерес с позиций лингвокультурологического подхода.

Основная задача лингвокультурологии применительно к ИС состоит в исследовании и описании механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие, в нашем случае, антропонимов как единиц естественного языка с культурной семантикой культурного кода. Результатом действия этого механизма является презентация антропонимами культурной семантики и тем самым – выполнения ими функции вербализованных знаков культуры. Носители языка обладают рефлексивной способностью к культурной референции, в основе которой лежит соотнесение антропонимов естественного языка с «языком» культуры, обладают способностью опознавания в языковых сущностях культурно-значимых, зачастую – национально специфичных установок. При этом антропонимы способны делать туже культурно значимую информацию закрытой для «непосвященных» инокультурных восприемников.

Объектом нашего исследования послужили русские фамилии, зафиксированные в фундаментальном труде известного языковеда-слависта Б.- О. Убенгауна «Русские фамилии». Как известно, фамильные антропонимы являются важнейшим звеном, связующим человека с его непосредственным окружением и обществом в целом. Лингвистически поддерживая внутрисемейную связь времен, фамилии рассматриваются в диалектической связи с другими понятиями, в конкретных исторических и социальных условиях, что позволяет изучить их не только как единицы языка, но и как социальные знаки и национальные лингвокультурологические ориентиры. В связи с вышесказанным лингвокультурный потенциал русских фамилий и способы его отражения в работе Б.- О. Убенгауна «Русские фамилии» составили ***предмет*** нашего исследования.

Целью данной статьи является проследить, как раскрывается лингвокультурный потенциал русских фамилий в работе Б.- О. Убенгауна «Русские фамилии». Цель исследования обусловила решения конкретных задач: 1) проанализировать национально-культурный компонент русских фамилий; 2) провести взаимосвязь между способом лексикографирования фамилий и их национально-культурной спецификой. Борис Генрихович родился в России, но большую часть жизни провел в эмиграции, выбрав своей профессией славянскую филологию. Занимаясь русским языкознанием, Борис Генрихович много исследований посвятил русской ономастике. Его интересовали определенные типологически выделяющиеся пласты, исторические наслоения – лингвистические свидетельства о русской культуре и русском прошлом. Антропонимика дает особенно благодатный материал в этом отношении. Именно с этих позиций написана книга «Русские фамилии», где автор стремиться связать язык и культуру, увидеть за формальными языковыми явлениями более общие культурно-исторические процессы.

Целью лингвокультурологического анализа антропонимов является выявление культурно-национальной специфики, т.е. национально-культурного компонента, который, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, антропонимам свойственен в большей степени, чем аппелятивам. Национально-культурный компонент создаётся (и поддерживается) прежде всего, звуковым и структурно-словообразовательным своеобразием антропонимов, сигнализирующем о принадлежности их к данной антропонимической системе и культуре в целом. Он во многом определяется функциональным статусом того или иного ИС в антропонимической системе и его соотношением с другими типами антропонимов в этой системе.

В.Э. Сталтмане высказывает мысль об неэффективности лексикографирования русских фамилий в инверсионном алфавитном порядке. Но обратный словарь может

оказаться исключительно информативным применительно к антропонимическим системам других европейских языков (латышского, эстонского, литовского, чешского), в которых фамилии морфологически не стандартизированы. В первую очередь обратный порядок словаря дает возможность сгруппировать в одном месте фамилии, имеющие одни и те же финали. Более того – обратный словарь показывает, заимствования из каких языков преобладают. Рассматриваемый тип словаря показывает также структурные особенности фамилий исконных. В какой-то мере в нем прояснены и мотивы номинации, так как выявленное наличие и количественные соотношения фамильных формантов, восходящих к суффиксам патронимических образований, суффиксов существительных от nomina agentis, дают возможность судить об именовании по отцу, по происхождению из определенной местности, по профессии и т.п. обратный словарь «идеальным образом» показывает, как в фамилиях используется словообразовательный аппелятивный аппарат и в какой степени фамилии морфологически стандартизированы. Исследование Б.- О. Убенгауна противоречит мнению В.Э. Сталтмане о том, что лексикографирование в обратном порядке русских фамилий, которые преимущественно морфологически стандартизированы по финалиям, является мало информативным. В основу классификации Б.- О. Убенгауна положен принцип образования, происхождения фамилий (русские, нерусские (славянские), нерусские (неславянские)), их морфологическая структура; вместе с тем, наряду с морфологией автору постоянно приходится касаться этимологии и семантики.

Известно, что культура тесно связана с ментальностью, которая отражается в языке на уровне лексики и на уровне грамматики (категории и структуры). Русская ментальность считает вербальное выражение эмоций одной из основных функций человеческой речи. Эмоциональность русских обусловила наличие богатейшей системы суффиксов, что достаточно ярко проявляется в образовании русских фамилий. По мнению Б.- О. Убенгауна, существенная разница между русским и западноевропейскими языками – английским, немецким, французским, в том каким образом имя становится фамилией, в ее специфическом морфологическом оформлении. Борис Генрихович акцентирует внимание на том, что в русском языке использование немодифицированного личного имени в качестве фамилии – явление исключительное, особенно в отношении имен существительных. Такие фамилии в большинстве случаев украинского и белорусского происхождения, и великорус воспринимает их как чуждые исконно русскому типу.

Подавляющее большинство русских фамилий имеет патронимический характер, который выражается специальными суффиксами – почти исключительно это суффиксы *-ов/-ев* и *-ин*. Незначительную группу патронимических фамилий составляют имена, образованные от сохранившейся формы родительного падежа прилагательных в единственном или во множественном числе.

З.К. Тарланов отмечает, что степень совершенства языка определяется мерой его способности точно соответствовать бесконечно сложному миру изображаемых и выражаемых им предметов, событий, представлений. Характеризуя ментальные представления народа и его культурные традиции по языковым свидетельствам, следует помнить, что преобладающее начало в русской культурной традиции – безграничная широта, которая находит яркое отражение в языке. Русскому языку с его хорошо развитой морфологией присуще стремление обозначить каждую семантическую категорию специальным признаком. Патроним всегда характеризуется суффиксом или падежным окончанием, и русские фамилии также обладают отличительными признаками в виде суффиксов и падежных окончаний. Более того, поскольку патроним может быть образован от имен существительных, в составе которых имеются самостоятельные суффиксы со значением

уменьшительности, принадлежности к профессии, места жительства, русские фамилии подразделяются на множество морфологических вариантов, каждый из которых обнаруживает характерную суффиксальную модель, охватывающую два или три конечных слога. Эти морфологические особенности объясняют, какое значение имеют формальные признаки для русских фамилий. Преимущественно в этом отношении они отличаются от английских, французских или немецких фамилий.

Русские фамилии в форме существительных или прилагательных могут склоняться как в единственном, так и во множественном числе, то есть могут изменять свои окончания в соответствии с падежом. Большинство фамилий, таким образом, имеет более дюжины различных форм, и каждая из которых обладает полным законным статусом. И в этом отношении русская фамильная форма далеко стоит от строгой, неизменной и единой фамильной формы в неславянском европейском мире.

Примечательно, что в работе уделяется особое внимание социолингвистическому характеру фамилий. В своей работе Б.- О. Убенгаун отмечает, что фамилии на *ский/-ской (-цкий/-цкой)* в свое время были признаком аристократического происхождения; они нередко встречаются в княжеских семья, выступая в качестве производных от топонимов, например: *Шаховский, Вяземский, Трубецкой, Ростовский, Оболенский, Волконский.*

Фамилии на *ский/-ской (-цкий/-цкой)* были также приняты в духовной среде. Фамилии великорусского духовенства, которые Б.- О. Убенгаун относит к разряду «искусственных», производятся от названий церковных праздников (*Благовещенский, Преображенский, Знаменский, Сретенский, Рождественский, Воздвиженский*); от имен святых (*Варваринский, Сергиевский, Николаевский*); от библейских топонимов и христианских традиций (*Назаретский, Вифлиемский, Маккавейский, Голгофский*).

Рассматриваемая работа демонстрирует, что фамилии на *ский/-цкий* образуют сложную социолингвистическую гамму; вместе с тем, фамилии на *ской /-цкой* в принципе маркированы как дворянские. Соответствующее восприятие наглядно проявляется в тех случаях, когда фамилия сознательно видоизменяется, адаптируясь к той или иной социальной норме. Чтобы придать фамилии аристократический облик добавляется акающее произношение, которое заставляет воспринимать ее как великорусскую.

Б.- О. Убенгаун также полагает, что нельзя упускать из виду еще один формальный признак, что в русских фамилиях ударение непостоянное (как в английском). Две формально одинаковые русские фамилии с разным ударением – это две различные фамилии. Например, суффикс *ский/-цкий* всегда безударный в отличие от *ской /-цкой*, который всегда под ударением. В русских фамилиях духовного происхождения употребляется суффикс *ский/-цкий* и не встречается ударение на последнем слоге. Употребление, к примеру, *Вознесенскóй* вместо *Вознесенский* можно считать стилистически маркированным, так как в этом случае наблюдается отклонение от общепринятой нормы.

Различия в акцентуации в фамилиях на *-ов/-ев* могут иметь также социолингвистический характер. Б.- О. Убенгаун объясняет это тем, что в дворянской среде могут сохраняться более архаичные акцентные формы. По своему происхождению фамилии на *-ов/-ев* представляют собой притяжательные прилагательные, поэтому их акцентуация определялась первоначально теми закономерностями, которые определяют место ударения в притяжательных прилагательных. Со временем фамилии на *-ов/-ев* обосабливаются от притяжательных прилагательных и них появляется свои собственные акцентные закономерности, т.е. для них характерно передвижение ударения на первый слог. Поскольку дворяне тяготеют к консерватизму, культивируя приверженность родовым традициям, то у их

фамилий сохраняется старое ударение (*Топоро́в, Быко́в, Новико́в*). У низких слоев населения фамилии появились гораздо позже, поэтому у них принята более поздняя акцентная форма данных фамилий (*То́поров, Бо́ков, Но́виков*).

Преобладание патронимической модели объединяет русских с другими православными славянами – болгарами, сербами и, в меньшей степени, украинцами и белорусами. Но при этом существенные различия наблюдаются в морфологических структурах, с помощью которых образуются эти фамилии. Например, фамилии на *-ич* появились в России вместе с выходцами из Украины и Белоруссии. Восприятие фамилий такого рода в России определялось тем обстоятельством, что отчество на *-ич* имело специальную значимость. Следует отметить, что как фамилии на *-ов/-ев* и *–ин*, так и на *-ич* имеют патронимическое происхождение, т.е. восходят к отчествам. Но в России отчества на *–ич* никогда не становились фамилиями, в отличие от Украины и Белоруссии. В России именование по имени с отчеством на *–ич* считалось привилегированным только для высших слоев общества. Поэтому фамилии на *-ич* воспринимались в России как чуждые, например украинский вариант русской фамилии *Марков – Маркович, Максимов – Максимович, Лукашов – Лукашевич*. Фамилии же неправославных славян – поляков, чехов, словаков словенцев – оформляются по другой модели, более близкой западноевропейскому типу.

В рассматриваемой работе в достаточно полном объеме исследуются морфологическая структура и семантика русских фамилий, но не очень много сказано об их географическом распределении. Б.- О. Убенгаун объясняет это специфическими чертами развития русского общества, в особенности тем, что становление русских фамилий происходило в период, когда власть московского централизованного государства распространилась на огромную территорию европейской равнины и Сибирь. Быстрый процесс колонизации привел к относительно единообразному распределению как русских диалектов, так и русских фамилий. Борис Генрихович подчеркивает, что в этом отношении русская ономастика выразительно отличается от ономастики западноевропейских стран, где прослеживаются устойчивые местные варианты.

Подводя итоги, отметим, что на наш взгляд, работу Б.- О. Убенгауна нельзя однозначно назвать словарем, поскольку она не соответствует общепринятым нормам составления русских антропонимических словарей. Автор выбрал способ лексикографирования русского ономастического материала, который в большей степени применим к европейским языкам. Однако именно это и дало возможность более отчетливо продемонстрировать взгляд иностранца на русские фамилии и выявить то, что является культурно значимым с точки зрения носителя чужой культуры и в конечном счете подчеркнуть то, что отличает русскую культурно-языковую традицию от европейской.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение. – М.: Русский язык, 1990. – 248с. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Academia, 2001. – 208с. *Сталтмане В.Э.* Ономастическая лексикография. – М.: Наука, 1989. – 114с. *Убенгаун Б.-О.* Русские фамилии. – М. Издательская группа «Прогресс», 1995. – 448с. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184с.